

Жуткий мороз нагнал сиверик к началу февраля. На что холодно было в Крещение — ахали бабы: пока шли от стаяк к сенам, молоко, только-только из вымени, схватывалось ледком, — тут же жаротки в печах не остывают, а углы никак не отойдут от инея.

Избы, прясла, деревья едва угадывались в густом морозе, словно у всех разом ослабли глаза. В сорок градусов мужики, бывало, подёргивали плечами в овчинах, да ничего, ехали себе в лес на деляны. Разве ребятешек в школу не пускали, чтобы не поморозились.

— Высоко оглобли задрал, — судачили по двору, — поленины лижет охапка за охапкой. И скотине неладно — от одного дыку какой сугрев?

В такую вот стын у нас в доме умер дед Василий. Это была первая смерть родного человека на моих глазах. Мне тогда едва исполнилось семнадцать. В город, где я учился в техникуме, пришла коротенькая телеграмма: «Приезжай, дедушка плох. Отец». Кажется, этот листок до сих пор лежит где-то в моём столе, не единожды наткался на него, перебирая старые письма, поздравительные открытки, фотографии, и всякий раз с содроганием вспоминал грустную историю, связанную с недавними похоронами: таинственную, загадочную, в некотором роде даже мистическую.

Мороз морозом, а на третий день по христианскому обычаю полагается хоронить покойника. Надо было ехать на кладбище и рыть могилу.

Чувствую, у вас начинает каменеть грудь и вам хочется подуть на озябшие руки. Так и у меня тогда: губы пили обжигающий горячий воздух, шедший от раскалённой докрасна печной группки, а нутро знобило — разве ровгу возьмёшь кайлом и лопатой! Отец привёз на кладбище две машины смолья, разложили большущий костёр. Могилу вывезли рыть наши соседи: грузный, одутловатый мужик Пётр Шарин — на вид ему было лет пятьдесят, и долгий, как подсолнух в картошке, с худым, почти костяным лицом неженатый парень Паша Мандрыкин по прозвищу Мария Ивановна. Так звали его мать. Она работала в клубе уборщицей, растила сына в одиночку и слыла первой сплетницей в посёлке. Сам Паша вообще-то был добрым, незлобивым малым, однако же привязалось: «Мария Ивановна»... Хоть вой от досады! И случилось, выл, гонялся в ярости за обидчиками, а кличка так и осталась, как затесь на дереве. Рассчитывали, что после трёх-четырёх часов горения дров, пусть на штык лопаты, но земля отойдёт. Впереди ещё два дня, глядишь, к сроку могила и будет готова.

Дед был человеком набожным, без отпевания хоронить нельзя. Ближайший храм в селе Петропавловском стоял разорённым, а когда последнего священника сослали на Колыму, и старики путались. Продолжали, правда, служить в церкви Богословского завода, но это от нас за сотню верст. Далековато. Бабушка позвала на молитву какую-то древнюю старушку. Сухонькая, согбенная фигура её в клубах мороза, рванувшегося из сеней в открытую дверь, промелькнула передо мной едва различимой тенью, и рассмотреть лицо каноницы я смог только тогда, когда следом за ней переступил порог прируб. Она прошла к изголовью усопшего, положила на тумбочку чёрную книгу с металлическими застёжками и, щёлкнув замочками, принялась шуршать жухлыми страничками, словно вороша зимовашую солому. То было Святое Писание. В качающемся неровном свете оплывающих ослепших свечей резко проступали глубокие морщины на золотушных впадинах щёк старушки, тонкие губы почти сливались с острым носом, но отнюдь не придавали лицу отталкивающего выражения и, хотя чёрный шерстяной платок нависал над самыми бровями, нельзя было не отметить совершенно ясных, безукоризненно синих, излучающих божественное сияние грустных глаз. Настолько это поразило меня, что пришло, будто глаза её и всё остальное созданы как бы по отдельности. Или это душа так светилась?

— Помня, Господи Боже наш в вере и надежде живота вечного претавляшаго раба Твоего, брата нашего Василия, и, яко благ и Человеколюбец, отпущаяй грехи и потребляяй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная, избави его вечныя муки и огня геенскаго и даруй ему причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящим Тя аще бо и согреси, но не отступи от Тебе и несумненно во Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Тя в Троице славимаго, верова и Единицу во Троице и в Троицу во Единстве, православно даже до последняго своего издыхания исповеда...

Сколько я ни напряживал слух и ни подвигался навстречу глумим сливающихся звукам, никак не мог понять смысла произносимого старушкой. Это как на речном перекате бьётся вода об осклизлые камни, а что хочет сказать — поди, узнай. Хоть и были мы крещёными, но молитв не знали, даже «Отче наш» не усвоили. Силком нас к божнице никто не тянул — как я понимаю, прежде всего, из чувства предосторожности (тогда всего боялись), и, во-вторых, следуя мудрой Христовой заповеди: «Всяк, иже не собирает со Мною, той расточает». Что толку осенять себя крестным знамением, если душа блуждает? Каждый должен сам дойти до понимания истинной цели христианской жизни — стяжания благодати Духа Святого. Пост, бдение, молитва, милостыня, все остальные добродетели — суть средства для этого. Никому не дано научить Божией Благодати, но три воли обязательно испытуют каждого: Божия, всесовершенная и всепоспешная, вторая — собственная, если не пагубная, то и не спасительная, и третья — бесовская, затягивающая в омут. Какая из них возьмёт верх — не скажет ни отец, ни мать, ни один пророк не скажет.

И тем не менее какие-то подсказки существуют. Крестики наши сразу же после церковной купели мать спрятала в дальнем углу комода: как и полагалось пионерам, вместо них мы носили на шею алье галстуки (бабушка называла их «жизолки»), однако, приходя домой, на чём прежде всего останавливали взгляд? На божнице. Как пройдёшь мимо светящейся лампадки? Пусть неосознанно, без всякого значения, но глаза в глаза с Николаем-угодником, считаи, каждый день: что-то да и шевельнётся в сознании...

Или вот церковные праздники. — Завтра Благовещение, — скажет бабушка матери, — ни мыть полы, ни стирать — нельзя... Нам забавно: что за праздник, если красные флаги на воротах не вывешивают? А само слово уже осело в памяти. «Не было бы Благовещения, не было бы и других Христовых праздников, — поучали старшие. — Богородица, мать Сына Божия, наша Заступница и Покров от грехов, бед и напастей, день и ночь за нас молящаяся. Царица и Владычица, пред силою её никакие враги, видимые и невидимые, устоять не могут»...

Там вскорости — «Вход Господень в Иерусалим». Этот день называют ещё по-другому — Вербное воскресенье. Чтобы дом посетила

Особенно любили Масленицу — с блинами, пирогами, хоровами. Отшумит честная, и Русь православная, испросив прощения за вольные и невольные прегрешения, войдёт в Великий пост. Простите и вы меня за столь длинное отступление: сделал его с единственной целью — подвести к мысли, что несмотря на хулу церкви и поругание десятков тысяч православных храмов, жизнь в русских семьях и в советское время текла в прежнем русле, заданном когда-то мудрыми христианскими Святыми.

...В день похорон деда мороз ещё больше поднажал. Это было заметно по растущим наледям на окнах, печи теперь уже топили не переставая. С утра отец засобирился на кладбище: что с могилой? Решил поехать с ним и я. Едва мы ступили за порог, как наши полшубки подёрнулись куржаком. Дышать можно было только через шарф, стужа словно прощупывала с ног до головы. Сизая хмарь плотно обступала дорогу. Казалось, сам воздух был стянут гигантскими ледяными обручами. Мужики на кладбище встретили нас понуро.

— Смолта кипит, а копнуть нечего! — бросил в досаде вылезавший рукавицы Шарин. — Подходящее

В посёлке ходили слухи, будто бы в войну он был у немцев в плену, а когда наши войска вошли в Германию, — ударил вместе с другими пленными солдатами на Запад, к американцам. Боялся, что расстреляют — Сталин родного сына не пощадил, на что было рассчитывать мелкое? Америка не приглянулась, тянуло в Россию. После нескольких лет скитаний на чужбине вернулся на родину. Расстрелять не расстреляли, но в лагерь всё же таки упрятали. Так и остался на Северном Урале. Мешковатый, насупленный, с огромными ручищами, он словно матерый медведь не мог не вызывать у людей чувства страха. К нему у нас относились с почтением за неимоверную силу, однако и побаивались: тюрьмы-то вкусил, всякого можно ожидать. Через полчаса железо заиграло желтовато-белёсыми переливами.

— Накни рукавицы, будешь придерживать лом, — сказал мне Шарин и, поддев сушиной раскалённую железку, потянул её из огня.

Поперёк могилы, вплотную друг к другу, были уложены два толстых берёзовых комя. Он осадил меж ними шипящий лом и взялся за кувалду.

Александр АРЦИБАШЕВ

И будет Вознесение

Божия благодать, надо нарезать вербы и поставить её в воду. Не охапки ли носили мы эту вербу с забережья? К Пасхе промёрзшие почки оживали, покрываясь белесовато-жёлтым налётом, и казалось, что на тоненьких веточках затихали сотни весенних шмелей. Да и правда, в эту пору дело шло к теплу. Вскоре за Благовещением — Светлое Христово Воскресение. Чудный день! Ни одного грустного лица не встретишь, все в нарядах, улыбаются. Спозаранку христосуюем с родителями и бежим через огород к дедовой избе.

— Христос Воскрес! Христос Воскрес! — кричим, перебивая друг дружку с порога.

— Воистину Воскрес! — отвечает бабушка и дед.

Трижды целуют каждого, осеняя крестным знамением, и, понятно, одаривают подарками. Кому что, но обязательно по крашеному яйчку. Давай биться этими яйцами: чьё скорей расколется. Руки у деда огромные, зажмёт яйцо в своих кулачищах — поди, разбей! До слёз спорили. Потом на улице то же самое с друзьями. Бывало, воротиться домой, а в руках — шапка крашенных яиц.

За Пасхой следуют другие праздники. Если даже вы — неверующий, то всё равно обращали внимание, что, скажем, на Троицу — в начале лета — избы в деревнях украшают берёзовыми ветками. Этот обычай у христиан от апостольских времён: весенняя зелень как бы знак обновления. Нас, ребятешек, опять-таки мало интересовала сама суть Святой Троицы, зато в лес за берёзовыми ветками бегали охотно. И ещё запомнилось: венчики для бани вязали только после Троицыны дня.

В меженье лета обязательно услышишь: «Пётр и Павел (апостолы) — час убавили, Илья-пророк — два уволкёт!». Апостол Пётр имеет благодать избавлять от горячки и сильной простуды, а у Павла просят помощи, приступая к какой-либо работе. На Илью жди дождя и уже нельзя купаться: «Боженька накажет!». В августе — три Спаса: водосвятие, яблочный и медовый. Слова-то какие! Грех не запомнить.

Из осенних праздников выделяем Покров день, или правильнее — Покров Пресвятой Богородицы. Первое зазимье: «Покров землю покроет, где листом, где снежком». И точно: редко когда в стылком сиреневом небе не кружат пугливые белые странницы. На Покров я родился, как сказала бабушка, «попал под омофор самой Владычицы Небесной».

Скоро за Покровом — заговенье на Рождество, ожидание новогодней ёлки. В самые морозы — святки: катание на лыжах, ряженые, гаданья. Потом — Крещение. А в феврале уже солнышко — Сретение, зима с весной встречаются.

время выбрал дед помереть. Это, наверное, чтоб дождаться её в воду. Не охапки ли носили мы эту вербу с забережья? К Пасхе промёрзшие почки оживали, покрываясь белесовато-жёлтым налётом, и казалось, что на тоненьких веточках затихали сотни весенних шмелей. Да и правда, в эту пору дело шло к теплу. Вскоре за Благовещением — Светлое Христово Воскресение. Чудный день! Ни одного грустного лица не встретишь, все в нарядах, улыбаются. Спозаранку христосуюем с родителями и бежим через огород к дедовой избе.

— Христос Воскрес! Христос Воскрес! — кричим, перебивая друг дружку с порога.

— Воистину Воскрес! — отвечает бабушка и дед.

Трижды целуют каждого, осеняя крестным знамением, и, понятно, одаривают подарками. Кому что, но обязательно по крашеному яйчку. Давай биться этими яйцами: чьё скорей расколется. Руки у деда огромные, зажмёт яйцо в своих кулачищах — поди, разбей! До слёз спорили. Потом на улице то же самое с друзьями. Бывало, воротиться домой, а в руках — шапка крашенных яиц.

За Пасхой следуют другие праздники. Если даже вы — неверующий, то всё равно обращали внимание, что, скажем, на Троицу — в начале лета — избы в деревнях украшают берёзовыми ветками. Этот обычай у христиан от апостольских времён: весенняя зелень как бы знак обновления. Нас, ребятешек, опять-таки мало интересовала сама суть Святой Троицы, зато в лес за берёзовыми ветками бегали охотно. И ещё запомнилось: венчики для бани вязали только после Троицыны дня.

В меженье лета обязательно услышишь: «Пётр и Павел (апостолы) — час убавили, Илья-пророк — два уволкёт!». Апостол Пётр имеет благодать избавлять от горячки и сильной простуды, а у Павла просят помощи, приступая к какой-либо работе. На Илью жди дождя и уже нельзя купаться: «Боженька накажет!». В августе — три Спаса: водосвятие, яблочный и медовый. Слова-то какие! Грех не запомнить.

Из осенних праздников выделяем Покров день, или правильнее — Покров Пресвятой Богородицы. Первое зазимье: «Покров землю покроет, где листом, где снежком». И точно: редко когда в стылком сиреневом небе не кружат пугливые белые странницы. На Покров я родился, как сказала бабушка, «попал под омофор самой Владычицы Небесной».

Скоро за Покровом — заговенье на Рождество, ожидание новогодней ёлки. В самые морозы — святки: катание на лыжах, ряженые, гаданья. Потом — Крещение. А в феврале уже солнышко — Сретение, зима с весной встречаются.

— Держи, да покрепче! Не без опаски я обхватил руками верхний конец лома. Мощный удар вогнал железо в мерзлоту не более чем на толщину ладони.

— Ещё разок, — примерился Шарин и замаяхнулся вдургорядь.

Железо остывало на глазах. Пока вбивали один лом, второй грелся в костре. Так и меняли их, пока не заглубили шпурлы до нужной отметки. Шарин отёр пот с раскрасневшегося лица и опустил наземь кувалду.

— Передохнём чуток. Мы присели у огня. Он опять потянулся в карман телогрейки за папиросами, и прищурившись, с любопытством посмотрел на меня:

— Небось, неохота было ехать из города в такую глушь?

— По правде сказать, хорошего тут мало, — согласился я. — Никакой перспективы...

— А в городе, думаешь, большая перспектива?

— Закончу техникум, в институт буду поступать, потом работать куда-нибудь устроюсь. Шарин передёрнул плечами:

— Учиться, конечно, надо, но ты особо нос от дома не вороти. В городе, брат, давно расписано, кому на каком месте сидеть...

— Кем расписано? — не понял я.

— Поживёшь узнаешь! А объяснять — это длинная история.

Он упёрся взглядом в горящий костёр и замолчал.

— А правда, дядя Петь, что вы в Америке были? — сорвалось у меня с губ.

— Было.

— И как там?

— Богатая страна, но дури тоже хватает.

— Не понравилась?

— Русскому человеку лучше от России не отрываться. Богатых людей по миру много, но русских среди них не встречал. Не любят нас, не нужны мы никому. Ты — вроде обсева, все тебя стараются обойти. Потому и говорю: укореняйся там, где родился. И место это, могилу дедову не оставляй, не забывай.

Каким образом удалось достать взрывчатку, я так и не узнал; тогда в спешке некогда было расспрашивать, а после похорон сразу же уехал в город. Скорей всего, сделали это тайком, вряд ли кто из горного начальства расписался бы в накладной. Да и взрывали с опаской, то и дело поглядывая на дорогу — не покажется ли чужой.

От взрыва с ближайших деревьев с шумом осел снег, зашуршали по кустарнику комочки звенящей глины. Первым подошёл к могиле Паша Мандрыкин, прыгнул вниз и стал выбирать совковой лопатой мёрзлый грунт.

— Мелковато... Надо бы ещё зарядить.

— А не завалится?

Шарин наступил на край ямы и попробовал надавить.

— Не должно. Вишь, как аккуратно колупнуло.

Опять взялись калить ломы и бить шпурлы. После второго взрыва могилу удалось заглубить на два метра. Но и дальше шла мерзлота. В эту стылую твердь спустя пару часов опустили мы дедову домовину и, казалось, навсегда распрощались с дорогим нам человеком.

Промёрзнув за день, хотелось поскорей добраться до тепла. Как и полагается, помянули покойника, и я, раньше, чем обычно, лег спать. Разбудил меня негромкий разговор на кухне.

— Не может того быть, чтоб не развязался...

— А кто спотрел?

— Да вспомнишь ли обо всём!

— Надо ещё поспрашивать.

— Сходишь что ль к Аглям?

— Пускай придёт... Неужели и впрямь упустили?

Через дорогу от нас жили татары Зингеровы. Хоть и иной веры, но мы дружили с ними, ходили друг к другу в гости, вместе косили сено, пасли скот. Дядя Аглям работал забойщиком в руднике и по вечерам, бывало, частенько навещался к деду поиграть в карты — в «дурочка». Естественно, был и на похоронах.

Я оделся и вышел в кухню. Отец сидел за столом явно чем-то встревоженный, возилась с чутгунками у печи мать с заплаканным лицом, всхлипывала, прислонившись к стене, бабушка.

— Что случилось? — спросил я отца.

— Ноги забыли развязать деду.

— Ну?

— Вот тебе и ну! Теперь думай, как быть.

— А зачем их вообще связывали-то?

— Чтоб не разлетались, когда гроб на кладбище несли, — ответил отец

— Шесть недель теперь душа его будет витать надо мною и корить, что недоглядела напослед, — подала голос бабушка, причитая и заливаясь слезами. — На сороковой день все пред Господом предстанут, а как он пойдёт в заклапах-то?

В сенях стукнула дверь, и на пороге появился дядя Аглям, за ним вошёл Шарин, потирая ладонью раскрасневшееся от мороза лицо. Присели на табуретки. Зингеров не стал долго томить и с ходу затараторил:

— Ночью спала, и вот, гляжу, дедушка, — сердитый такой, вся в слезах, спрашивает: «Зачем Аглям ноги вязал, как к Богу ходить буду?». Моя сильно пугалась, язык не могла ворочать, Аллах звал! Быстро просыпался и айда за Петром. Она тоже не помнит. Мой вина какой? Молчать некорошо...

Он блуждал глазами по комнате, боясь остановиться на ком-либо взгляд.

— Что ж, тепереча могилу раскапывать? — произнёс неуверенно Шарин.

— Да разрешат ли? — вырвалось из груди у матери.

— А кто должен давать разрешение?

— Поди, сельсовет...

— Ты ещё в милицию донеси, там скоро справку выпишут на этап! — выругался отец, сверкнув глазами в сторону печки.

Больше всего было жаль бабушку. Я никогда не видел её плачущей: нервы у неё были настолько крепкими, что даже тогда, когда хоронила своих детей, умерших в младенчестве, она, как рассказывали, не проронила и слезинки. В голодные годы ходила побираться, вымаливая кусок хлеба, но терпела. Плевала вслед тем, кто вешался, стрелялся, топился, а тут заявила отцу:

— Петлю наброшу на себя, если не откопаете. Представляю, что пережил тогда отец. Решиться на вскрытие могилы — завтра злые языки разнесут об этом по всему посёлку, и неизвестно как посмотрят на происшедшее власти? Отмахнуться от просьбы бабушки — значит, до конца дней мучиться в сомнениях, винить себя за грех.

...Откапывали гроб всё те же: Пётр Шарин и Паша Мандрыкин. Работали молча, без остановок. Смёрзшиеся комья земли выбрасывали наверх руками. Никого из женщин рядом не было: у мужиков слёзы стояли в глазах, а смогло бы вынести всё это слабое сердце?

Когда показалась синяя материя крышки домовины, отец, обхватив голову руками, тихо простонал:

— Петро, ты уж поаккуратней с лопатой-то...

Мороз пошёл на убыль, пуржило. От скрежета гвоздодёра больно резануло в уши, дикий страх буквально сковал всё моё существо. Я чувствовал, как неведомая сила сдвинула оплечья и сами собой стали подкашиваться колени, словно Господь Бог ниспосылал сверху чудовищную епитимию. Тут бы перекреститься, но этого тогда не принято было делать прилюдно, оставалось целиком положиться на волю судьбы и молиться во спасение души своей про себя, чуть шевеля совершенно немевшими губами.

Мужики вскрыли крышку гроба, и снег густо повалил на неподвижное дедово чело. За ночь оно совсем не изменилось, и всё же что-то новое, едва заметное мелькнуло на миг в печальном выражении сомкнутых век. Оплаканый, отпетый, соборованный в дальнюю дорогу, надеялся ли он на эту встречу? Кто скажет?

Ноги у деда действительно оказались связанными. Не представляю, что случилось бы с отцом, если бы могилу потревожили напрасно — это обстоятельство несколько смягчило удар, пригасило боль. Озябшими, негнущимися пальцами Шарин распутал сатиновую тесёмку, осторожно вынул её из-под ног и снова положил в гроб. Затем, не вылезая из могилы, трижды осенил себя крестным знамением и, поклонившись усопшему, глухо произнёс:

— Теперь свободен, ничто не держит. И будет Вознесение!

Панихиду по деду я заказал много лет спустя, когда опалу с храмов сняли и можно было безбоязненно затеплить свечку перед Кануном. Как будто груз какой свалился с плеч, вздохнул облегчённо и подумал: «Ведь будь тогда на похоронах деда священник, вряд ли приключилась бы та печальная история. Всё наша суета, суета»...